

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

И.И. Лагунин

Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей

I. 1414-1535 гг.

Историки и краеведы единодушно начинают рассказ о городе Себеже с первого упоминания его под 1414 г. польским хронистом М. Стрийковским.¹ Сам характер упоминания, где говорится о взятии псковского пригорода Себежа войском великого князя Литовского Витовта, свидетельствует о более раннем возникновении городского укрепленного поселения, хотя и не дает оснований для более точных датировок. Умалчивают о собственном пригороде и летописцы Псковской вечевой республики,² хотя о других пригородах в связи с псковско-литовскими отношениями (Опочка, Воронич, Коложе и др.) в XIV-XV вв. они сообщают неоднократно. Это косвенное подтверждение тому, что границы Псковской земли в XIII-XIV вв. не распространялись так далеко на юг, а захват Себежского поозерья Литвой связан с экспансией литовских князей на исконно русские земли. До середины XIII в. эти места служили границей владений Полоцка и Псковско-Новгородского государства и, скорее всего, относились к Полоцкому княжеству. С середины XIII в., когда племя литовских князей Миндовгов окончательно захватило Полоцкую землю и село княжить в Полоцке, Себежская земля постепенно становится краем приграничных

псковско-литовских междоусобиц. Сначала (до конца XIV в.) Псков, стремившийся к самостоятельности и независимости от Новгорода, искал прочного союза с южным соседом, тем более, что к Полоцку сохранялось отношение как к одной из русских областей.

Еще в середине XIV в. в Полоцке сидел митрополит Феогност, старший по духовному званию для новгородского владыки, и псковичи просили у него об основании собственной архиепископской кафедры (1331 г.). Псковичи также нередко приглашали литовских князей (например, Андрей Ольгердович, сын великого князя Литовского, княжил в Пскове трижды). К концу XIV в., по мере роста могущества великого княжества Литовского, с одной стороны, самостоятельности Псковской земли и начавшегося сплочения русских земель вокруг Москвы - с другой, отношения двух государств становятся все более напряженными. Источником напряженности была, в первую очередь, Литва, стремление которой расширить владения на севере за счет Новгорода и Пскова были очевидны. Соперник был столь опасен, что новгородцы не считали зазорным откупаться большими «окупам» (Порхов, 1341 г., Ольгерд; 1428 г., Витовт). Они даже передали в отчину литовским князьям стратегически важные пограничные крепости Корелу, Ладогу, Ореховец и половину Копорья (1331 г.).³ Псковичи спешно укрепляют псковскую крепость и южные пригороды, заключают оборо-

Лагунин Игорь Иванович - искусствовед-архитектор, зам. директора Генеральной дирекции «Псковреконструкция»

нительно-наступательный мир с орде- ном против Литвы и Лифляндии, ко- торый, впрочем, был непрочен, но окончательно обострил отношения с Литвой. Пиком напряженности стал, по-видимому, 1406 г., когда произош- ло сильное нападение Витовта и пол- ное разорение им крупного псковско- го пограничного города-крепости Ко- ложе. Ответом был не менее крупный поход псковичей, разорение принад- лежавших к тому времени литовцам Великих Лук и Ржевы, а вскоре и строительство новой пограничной кре- пости в Опочке над Великой рекой «в две недели» (1413 или 1412 г.). Очень характерно примечание псковского летописца об отъезде в том же 1413 г. из Новгородской отчины Лугвенея, кня- зя Литовского в Литву: «а все то Пско- вичем не на добро, хотяху искорени- ти от основания град Псков».⁴

Что же послужило причиной столь острых предчувствий и нового похода Витовта 1414/1415 г., с которым неза- долго до того псковичи заключили сепаратный от Новгорода мирный до- говор (1410 ? г.). Не исключено, что в эти годы, незадолго до похода, пско- вичи выстроили на дальних южных ру- бежах еще одну крепость - Себежскую, строительство которой и было воспринято литовцами как вызов. Сравнительно мирное завершение похода Витовта в 1414/1415 г. можно объяснить не только откупом, но и тем фактом, что псковичи простили литовскому князю разорение Себежской крепости.

Вернемся к сообщению Стрийковско- го о том, что в 1414 г. великий князь Витовт из Дриссы двинулся против псковичан и, подойдя к Псковскому пригороду Себежу, взял его и сжег, а сам двинулся далее. Поскольку на Пет- ровой горе следов крепости XIV-XV вв. не обнаружено, первую Себежскую крепость следует поместить на Замко- вой горе, где находки указанного вре- мени встречаются. Умолчание псковских летописцев сильно затрудняет исследование, но не может быть слу- чайным. Этот факт можно объяснить,

например, дипломатическими сообра- жениями. Свод составлялся позднее, когда Себеж был окончательно поте- рян для псковичей, а опасность со сто- роны Литвы сохранялась. В этом слу- чае упоминать лишний раз Себеж как бывшую псковскую крепость в Литов- ской земле недипломатично, да и ма- лоприятно. Исследователи никогда не приводили в связи с Себежем еще один документ, который считается перево- дом Стрийковского, но менее точным, имеющим свои особенности и серьез- ные расхождения в датировках (пере- вод Стрийковского считается более точным). Этот источник - «Хроника Литовская и Жмойтская», датируемая 40-ми гг. XVIII в. Вот ее полный текст: «Року 1427 Витолт, великий князь ли- товский, постановивши с королем Ягайлом порядок христианский в Жо- мойти, зобрал войско посполитое ру- шене, з литвы и з руси, а переправившись чрез Двину реку у Друши облегл напервей Сабож, замок и мес- то Псковское... А так, взявши Сибезж замок през подале, облегл другой за- мок Псковский, Перхову, под который месяцев стоял шесть».⁵

Данное сообщение необычайно ин- тересно: во-первых, его можно считать не интерпретацией сообщения М. Стрий- ковского 1414 г. с иной датировкой, а вполне самостоятельным; во-вторых, события, о которых в нем повествуется, имели место, хотя и изложены схе- матично и не совсем точно. Например, Порхов назван «псковским замком», а не Новгородским, но ошибку автора XVIII в. можно понять: к тому време- ни Порхов тяготел к Пскову и вскоре стал псковским. Речь идет о двух раз- ных походах Витовта - на псковские пригороды по призыву дерптского епископа Дидриха (1426 ? г.) и походе 1427-1428 гг. на новгородский приго- род Порхов. Разногласия псковичей с новгородцами создали для Витовта прекрасную возможность разбираться с ними по отдельности.

Первый поход на псковичей был очень серьезным: «Первого августа (1426 г.) с Литвою, Богемцами, Воло-

хами и Татарами учинил нападение на город Опочку и Воронежь, ... но опочане и вороничане отбили, а под Котельном разбил он Псковский отряд».⁶ Псковичи обращались за помощью к новгородцам, но не получили ее. После заключения 25 августа перемирия с псковичами Витовт обратился к Новгороду. В эти августовские события Себеж как будто не вписывается, но если попытаться реконструировать события с учетом умолчания псковских летописцев, то можно предположить, что основная часть мощного войска Витовта была занята осадой Себежа, набеги совершали отдельные отряды, а разбитый псковский отряд шел на помощь Себежу. Борьба за город велась с неким сознанием правоты со стороны литовцев, и псковичи это право (сильного?) косвенно подтвердили умолчанием. Иначе трудно себе представить, чтобы они ни единым словом не обмолвились не только о завоевании, но и о строительстве себежской крепости, других, связанных с ней событиях. Повторимся, что о других пригородах заинтересованные сообщения встречаются в те годы довольно часто. Из всего сказанного следует предположение о том, что себежская крепость была выстроена на Замковой горе скорее всего в начале XV в. (около 1406 г.) как военный форпост Пскова. Население ее составлял военный гарнизон. И если верить сообщению Литовской «Жмойтской хроники» 1427 г., городское поселение («место Псковское») выходило за пределы Детинца на верхней площадке полуострова. Крепость была восстановлена после пожара 1414 г. (как мы знаем, это делалось псковичами скоро, «в две недели», как в Опочке).

Вполне вероятно, что Себеж окончательно перешел к литовцам по мирному договору августа 1426 г. Чтобы прекратить вражду, которая началась с заключения мирного договора 1417 г. с рыцарями, направленного против Витовта (непрестанные с 1421 г. набеги на псковские земли), нужны были серьезные аргументы. Возвращение Себежа -

как раз один из таких аргументов. Под 1432 г. сообщается о «Полотской границе», на которой псковичи искали мира с Литвой, а несколько позднее появилось сообщение о мире. Вскоре псковско-литовские события вообще уходят со страниц псковских летописей.

Подводя итоги первого градостроительного периода в истории Себежа, начавшегося не ранее начала XV в. и закончившегося в 1535 г., можно сказать следующее. Себеж XV в. - типичная псковская дерево-земляная крепость, расположенная на высокой мысовой площадке так называемого Замка. Крепость была сторожевой, пограничным форпостом, все население которого, скорее всего, составлял гарнизон пришлых псковичей. Население крепости вскоре начало осваивать нижнюю площадку Замковой горы за стенами Детинца - посад. С этого времени начинает формироваться улично-дорожное направление в сторону Пскова, пригородные сельские поселения (на берегу оз. Ороно, в районе ул. Красноармейской). Местоположение некрополя не выявлено, но очевидно и то, что его следует искать вне пределов полуострова. Археологические находки, выявленные в ходе разведок, не позволяют говорить о резкой смене населения после литовского завоевания. Нет данных и о новых укреплениях иного, нерусского характера. После завоевания Литвой и после мирного договора гарнизон должен был покинуть крепость или же сменить занятия на мирные. Вероятно, случилось последнее, и городок превратился в окраинное местечко Литовского государства. Тогда же образовалось второе улично-дорожное направление - на юг, в сторону Полоцка по перешейку между озерами Себежское и Ороно.

Приведем еще один интересный источник - русские былины, в которых описываемые события обычно восходят к древним временам. В этих былинах, записанных в XVII в., любимый народный герой Илья Муромец ведет борьбу с неверными, которые

нительно-наступательный мир с орденом против Литвы и Лифляндии, который, впрочем, был непрочен, но окончательно обострил отношения с Литвой. Пиком напряженности стал, по-видимому, 1406 г., когда произошло сильное нападение Витовта и полное разорение им крупного псковского пограничного города-крепости Коложе. Ответом был не менее крупный поход псковичей, разорение принадлежавших к тому времени литовцам Великих Лук и Ржевы, а вскоре и строительство новой пограничной крепости в Опочке над Великой рекой «в две недели» (1413 или 1412 г.). Очень характерно примечание псковского летописца об отъезде в том же 1413 г. из новгородской отчины Лугвенея, князя Литовского в Литву: «а все то Псковичем не на добро, хотяху и скоренити от основания град Псков».⁴

Что же послужило причиной столь острых предчувствий и нового похода Витовта 1414/1415 г., с которым незадолго до того псковичи заключили сепаратный от Новгорода мирный договор (1410 ? г.). Не исключено, что в эти годы, незадолго до похода, псковичи выстроили на дальних южных рубежах еще одну крепость - Себежскую, строительство которой и было воспринято литовцами как вызов. Сравнительно мирное завершение похода Витовта в 1414/1415 г. можно объяснить не только откупом, но и тем фактом, что псковичи простили литовскому князю разорение Себежской крепости.

Вернемся к сообщению Стрийковского о том, что в 1414 г. великий князь Витовт из Дриссы двинулся против псковичан и, подойдя к Псковскому пригороду Себежу, взял его и сжег, а сам двинулся далее. Поскольку на Петровой горе следов крепости XIV-XV вв. не обнаружено, первую Себежскую крепость следует поместить на Замковой горе, где находки указанного времени встречаются. Умолчание псковских летописцев сильно затрудняет исследование, но не может быть случайным. Этот факт можно объяснить,

например, дипломатическими соображениями. Свод составлялся позднее, когда Себеж был окончательно потерян для псковичей, а опасность со стороны Литвы сохранялась. В этом случае упоминать лишний раз Себеж как бывшую псковскую крепость в Литовской земле недипломатично, да и малопривлекательно. Исследователи никогда не приводили в связи с Себежем еще один документ, который считается переводом Стрийковского, но менее точным, имеющим свои особенности и серьезные расхождения в датировках (перевод Стрийковского считается более точным). Этот источник - «Хроника Литовская и Жмойтская», датируемая 40-ми гг. XVIII в. Вот ее полный текст: «Року 1427 Витолт, великий князь литовский, постановивши с королем Ягайлом порядок христианский в Жмойти, зобрал войско посполитое русене, з литвы и з руси, а переправившись чрез Двину реку у Друши облегл напервей Сабож, замок и место Псковское... А так, взявши Сибезж замок през подале, облегл другой замок Псковский, Перхову, под который месяцей стоял шесть».⁵

Данное сообщение необычайно интересно: во-первых, его можно считать не интерпретацией сообщения М. Стрийковского 1414 г. с иной датировкой, а вполне самостоятельным; во-вторых, события, о которых в нем повествуется, имели место, хотя и изложены схематично и не совсем точно. Например, Порхов назван «псковским замком», а не Новгородским, но ошибку автора XVIII в. можно понять: к тому времени Порхов тяготел к Пскову и вскоре стал псковским. Речь идет о двух разных походах Витовта - на псковские пригороды по призыву дерптского епископа Дидриха (1426 ? г.) и походе 1427-1428 гг. на новгородский пригород Порхов. Разногласия псковичей с новгородцами создали для Витовта прекрасную возможность разбираться с ними по отдельности.

Первый поход на псковичей был очень серьезным: «Первого августа (1426 г.) с Литвою, Богемцами, Воло-

хами и Татарами учинил нападение на город Опочку и Воронежь, ... но опочане и вороничане отбили, а под Котельном разбил он Псковский отряд».⁶ Псковичи обращались за помощью к новгородцам, но не получили ее. После заключения 25 августа перемирия с псковичами Витовт обратился к Новгороду. В эти августовские события Себеж как будто не вписывается, но если попытаться реконструировать события с учетом умолчания псковских летописцев, то можно предположить, что основная часть мощного войска Витовта была занята осадой Себежа, набеги совершали отдельные отряды, а разбитый псковский отряд шел на помощь Себежу. Борьба за город велась с неким сознанием правоты со стороны литовцев, и псковичи это право (сильного?) косвенно подтвердили умолчанием. Иначе трудно себе представить, чтобы они ни единым словом не обмолвились не только о завоевании, но и о строительстве себежской крепости, других, связанных с ней событиях. Повторимся, что о других пригородах заинтересованные сообщения встречаются в те годы довольно часто. Из всего сказанного следует предположение о том, что себежская крепость была выстроена на Замковой горе скорее всего в начале XV в. (около 1406 г.) как военный форпост Пскова. Население ее составлял военный гарнизон. И если верить сообщению Литовской «Жмойтской хроники» 1427 г., городское поселение («место Псковское») выходило за пределы Детинца на верхней площадке полуострова. Крепость была восстановлена после пожара 1414 г. (как мы знаем, это делалось псковичами скоро, «в две недели», как в Опочке).

Вполне вероятно, что Себеж окончательно перешел к литовцам по мирному договору августа 1426 г. Чтобы прекратить вражду, которая началась с заключения мирного договора 1417 г. с рыцарями, направленного против Витовта (непрестанные с 1421 г. набеги на псковские земли), нужны были серьезные аргументы. Возвращение Себежа -

как раз один из таких аргументов. Под 1432 г. сообщается о «Полотской границе», на которой псковичи искали мира с Литвой, а несколько позднее появилось сообщение о мире. Вскоре псковско-литовские события вообще уходят со страниц псковских летописей.

Подводя итоги первого градостроительного периода в истории Себежа, начавшегося не ранее начала XV в. и закончившегося в 1535 г., можно сказать следующее. Себеж XV в. - типичная псковская дерево-земляная крепость, расположенная на высокой мысовой площадке так называемого Замка. Крепость была сторожевой, пограничным форпостом, все население которого, скорее всего, составлял гарнизон пришлых псковичей. Население крепости вскоре начало осваивать нижнюю площадку Замковой горы за стенами Детинца - посад. С этого времени начинает формироваться улично-дорожное направление в сторону Пскова, пригородные сельские поселения (на берегу оз. Ороно, в районе ул. Красноармейской). Местоположение некрополя не выявлено, но очевидно и то, что его следует искать вне пределов полуострова. Археологические находки, выявленные в ходе разведок, не позволяют говорить о резкой смене населения после литовского завоевания. Нет данных и о новых укреплениях иного, нерусского характера. После завоевания Литвой и после мирного договора гарнизон должен был покинуть крепость или же сменить занятия на мирные. Вероятно, случилось последнее, и городок превратился в окраинное местечко Литовского государства. Тогда же образовалось второе улично-дорожное направление - на юг, в сторону Полоцка по перешейку между озерами Себежское и Ороно.

Приведем еще один интересный источник - русские былины, в которых описываемые события обычно восходят к древним временам. В этих былинах, записанных в XVII в., любимый народный герой Илья Муромец ведет борьбу с неверными, которые

«хотят Себеж град за щитом взять».⁷ То, о чем умолчали летописцы, поведала былина.

Граница с Литвой окончательно определилась к 1440 г., о чем свидетельствует грамота Великого князя литовского Казимира.⁸ В мирных переговорах, происходивших в Литве, участвовали со стороны Пскова сын посадника Иларион Селиверстов, Стефан Аристович и Лука Михайлович. В 1494 г. граница была подтверждена как «старый рубеж».⁹ Таким образом, русский Себеж оказался за рубежом.

О положении городка в составе объединенного Польско-Литовского королевства в начале XVI в. свидетельствует документ, приведенный в книге М.О.Без-Корниловича «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии»: «Впоследствии Себеж принадлежал Литве, что можно заключить из жалобы его жителей, поданной Польскому королю Сигизмунду I в 1525 г. марта 20-го, в которой сказано, что, будучи обобраны и ограблены Московитянами, многие из них, оставя дома, ушли; другие разбрелись; те же, которые остались, по своей нищете не в силах платить повинностей, почему и просят их уволить от всех повинностей на 4 года. На что последовало Королевское соизволение».¹⁰

В результате десятилетней войны с Литвой, в ходе которой войска великого князя Московского доходили до Вильны, соотношение сил изменилось в пользу объединенной России, но Польско-Литовское государство еще долго оставалось грозным соседом-соперником.

II. 1535-1772 гг.

В правление Елены Глинской и ее фаворита князя Овчина-Телепнева-Оболенского война с Польшей вспыхнула с новой силой. В разгар этих событий, в 1535 г., «в лето 7043... месяца июня 26 князь Великий Иоан повеле Воеводам своим, князя Бориса Горбатова, да Михаила Воронцова, да князя Михаила Коубенского с силами, и постави город за Опочкой на озеру на

Себежи, Иоан город Себежь, и церкви создаша, да и людей посадиша».¹¹ Вологодско-Пермская летопись добавляет: «И Иван Микитич Бутурлин на Себеже стоял три недели, и город на Себежи поставили Ивангород, а мастер был городской Петр Малой Фрязин архитектор».¹²

События развивались в следующем порядке. От имени малолетнего Иоанна IV было повелено воеводам князю Борису Ивановичу Горбатову, князю Михаилу Кубенскому и Михаилу Семеновичу Воронцову во главе псковского и новгородского войск двинуться к Себежу и, соединясь там с князем Шуйским, заложить крепость. Они же, оставаясь в Опочке, направили от себя к Себежу воеводу Ивана Никитича Бутурлина с боярскими детьми, который и произвел строительные работы, законченные за необычайно короткий срок, к 25 июля (по другим сведениям - 20 июля). В статье Р.И. Платоновой о планировочной структуре Себежа в конце XVI в. приводятся дополнительные сведения об архитекторе.¹³ Петрок Малый Фрязин 16 мая того же 1535 г. руководил начавшимися работами в Москве по строительству Китай-города, а вскоре он уже «почал град делати землен в Литовской земле на озере на Себеже, месяца июня 29, вторник, во имя великого государя Ивангород, а доделаша его того же лета месяца июля 20, вторник».¹⁴ Крупный исследователь русского крепостного зодчества профессор А.Н. Кирпичников считает, что в Себеже впервые применены новейшие достижения фортификационного искусства. На плане города 1811 г. еще можно проследить выступающие в сторону мыса и внутрь города за пределы замка пониженные по отношению к нему земляные батареи.

Русские летописи необычайно подробно описывают рассматриваемые нами события, а далее повествуют об Ивангороде на Себеже: «Затвориша его и освещаша церкви Усекновения главы святого Иоанна, да предел святого Николы, да царя Константина, а свя-

щенников трех послали из Пскова... И Князь Великий приказал архиепископу Макарию священников соборных туда послати, а самому имя граду нареци. И Макарий имя нарек Иван-Город на Себежь». ¹⁵ «Для сей работы и для снабжения города Псковичи посылали 500 пищальников, 3000 коней в телегах и человека на коне, 3000 четвертей толокна, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 конопляного семени, а сверх того еще в Москву отправили 400 пищальников». ¹⁶ М.О. Без-Корнилович добавляет, что транспорт этот сопровождали 500 пищальников, а новгородцам было поручено в помощь прислать рабочих и плотников строить замок, место которого имело в окружности 170 сажень. ¹⁷ «Недовольный, что в его владениях россияне построили замок, - продолжает он, - Польский король Сигизмунд I в 1536 году [февраль - И.Л.] повелел киевскому воеводе Немире с войском двинуться к Иван-городу и разорить его. Приступы Литовцев к укрепленному замку были неудачны: скопившиеся на перешейке, разимые пушечными выстрелами литовцы разбежались по озеру в обе стороны, где от заломившегося под ними льда многие потонули. Чтоб довершить поражение, Воеводы: князь Засекин и Тушин, учиня вылазку, погнались за бегущими, захватили пленных, отбили знамена, пушки. Наградя воевод и войско, великая княгиня Елена повелела в память победы построить в Себеже церковь Святой Троицы...». ¹⁸

Крепость выдержала испытание и отразила нападение 20-тысячного войска, однако требовала к себе серьезного внимания. Из розыскного дела о бегстве архитектора Петрока Малого известно, что он в 1539 г. посылался в сопровождении переводчика Григория Мистрабонова в Себеж и пробыл здесь три недели. ¹⁹ Строительство вместе с укреплениями окольного города, конечно, потребовало немало времени и дополнительных мер. Весь их комплекс потребовал нескольких лет, причем строительство велось в два приема.

Под 1541 г. псковские летописи сообщают о том, что «Того же лета пределаша на Себежи больши стены». ²⁰ Речь идет, очевидно, о дополнительных укреплениях или завершении системы укреплений Окольного города, заложенной Петроком Малым Фрязином. ²¹ В обмен на Гомель послы Сигизмунда уступили в 1537 г. Себеж и Заволочье россиянам и обещались 5 лет «города Себежа и волости Себежские не воевати, не зацепити ни чем». Поэтому после 1537 г. работы велись с таким размахом и последовательностью. Себеж вернулся в лоно России вполне законно. В том же 1537 г. повелением Елены Глинской в честь победы над литовцами была заложена каменная Троицкая церковь. О местоположении ее сведения отсутствуют. С легкой же руки историков и краеведов в Себеже в наши дни утвердилось устойчивое мнение о том, что колокольня и разрушенный каменный собор на рыночной площади - та самая Троицкая церковь. Но собор Рождества был выстроен заново в середине XIX в., хотя мнение себежан заслуживает внимания: собор мог быть сооружен на том месте, где раньше стоял храм Троицы, так как место это находилось недалеко от ворот, обращенных к перешейку, где развернулись главные события битвы 1537 г., на высоком месте с прекрасными видовыми данными. Следует добавить, что в Замке уже стояла деревянная Ивановская церковь с двумя приделами, а окольный город еще продолжал отстраиваться. Косвенным подтверждением этому служит дата завершения строительства церквей: «Лета 7052... (1544 г.) великая государыня Елена... повелела во граде Себеже поставить церковь живоначальную Троицу и в ней придел Покров святей Богородицы. А третий придел святого великого чудотворца Сергия». ²²

Отношения с Литвой, однако, оставались сложными. Возникали пограничные споры, случались набеги и со стороны немецких рыцарей. В связи с набегом последних в 1559 г. упомина-

ется монастырь Святого Николы под Себежем, который был сожжен немцами «и с церковью».²³ А на следующий год, весной, в великий пост выгорел и сам Себеж «и с стеною».²⁴ Впервые, таким образом, упоминаются крепостные стены Себежа, а слова летописца «выгорел... и с стеною» можно понимать так, что стены были деревянными. Ослаблением города, похоже, поспешили воспользоваться воинственные соседи. В мае 1562 г. польский король, принявший Лифляндию под свое покровительство, начал открытую войну против России. Он приходил под Опочку, которую взять не смог, но разорил семь окрестных волостей и монастыри под Себежем. Поляки ворвались в город, вновь сожгли его, но за собой не оставили.²⁵ Договором 1570 г. Себеж вновь был утвержден за Россией, но его ожидала новая, более грозная опасность.

В 1579 г. 50-тысячная многоязыкая армия во главе с национальным героем Польши королем Стефаном Баторием взяла Себеж и двинулась на Псков. Но и на этот раз город избежал окончательной передачи Польше: по мирному договору начала 1582 г. он в который уже раз был возвращен псковичам, на этот раз опустошенный и обезлюдивший.

Ценные сведения о состоянии города в этот период, его топографии, населении, застройке содержатся в Писцовых книгах за 1585-87 гг. по городу Себежу и его уезду.²⁶ За неимением графических материалов расшифровка данного описания дает достаточно полное представление о состоянии и развитии городского ансамбля в XVI в. Писцы не только дают собственное описание, но и приводят данные «по старому письму», относящиеся ко времени нашествия Батория (вероятно, к 60-м гг. XVI в.). К этому источнику в свое время обращался краевед, первый директор Себежского музея Б.В. Сивицкий,²⁷ а профессиональный анализ планировочной структуры города предприняла Р.И. Платонова,²⁸ сопоставившая описание с самым ранним фик-

сационным планом города XVIII в.²⁹ В то же время многие ценные наблюдения авторов сочетаются с весьма неубедительными. Например, исходной позицией для Р.И. Платоновой служит сохранившаяся колокольня «церкви Троицы XVI в.», которая на самом деле принадлежит Рождественскому собору середины XIX в. Содержатся в ее анализе и другие неточности.

Писцовая книга города Себежа и Себежского уезда - необычайно полный, но своеобразный документ. Для окончательных выводов требуются дополнительно археологические данные или ранние планы города. К сожалению, из писцовой книги исключены описания церквей и монастырей - важнейших ориентиров, которые упоминаются лишь косвенно, но зато есть данные о городе до нашествия Батория. Из них мы узнаем, что расцвет Себежа приходится на время не позднее середины XVI в. Еще до «старого письма» заросли лесом старые нивы в Заворонье (за озером Ороно-Ворон-Вороно), на Синцах (вокруг Синцовского озера), на речке Угоринке. Таким образом, «Поле» города Себежа - обширнейшая округа, не уступающая нынешней территории.

Ядром Себежа был собственно «город», который позднее, в польский период, получил название Замка. Это небольшая крепость на самой возвышенности полуострова, в мысовой части. Как и в Пскове, здесь находился «анбар, а под ним погреб» для зелья, свинца, ядер и «всякого пушечного запаса», а кроме того, «три житницы с государевым хлебом» и еще девять житниц «пусты» (последствия военных бедствий встречаются везде и во всем). Упоминаются Ивановские поп, дьякон и дьячок (церкви Иоанна Предтечи), но живут они в центре Окольного города; сама же церковь в описаниях не встречается. Если она даже и осталась на Крому, то была выстроена заново. Как уже указывалось, выстроенная при основании города церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи имела приделы «Николы да царя Констан-

тина». Больше престол Св. Константина и Елены не упоминается, зато, кроме Никольского попа и двух дьячков, упоминается «Никольский монастырь, что в городе».³⁰

К моменту описания прекратил существование «монастырь Никольский из Яблонец», огородное место которого пахали старцы того же монастыря. С пригородным монастырем можно связать некоторые местные предания. Церковь Николы была на Московском (русском) кладбище (в районе нынешнего православного). Существует предание о том, что в озере Корец (Карцы) «провалился» храм. В Пскове в лихую годину некоторые монастыри, страдавшие от вражеских набегов, были перенесены в город за крепостные стены (например, монастырь Сергия с Залужья, XVI в.). В Себеже пригородный Никольский монастырь был razoren еще во время набега литовцев в 1559 г.³¹ На время составления Писцовой книги в Крому («в городе») упомянуты два монастыря - Никольский (мужской) и Ильинский (женский). Можно предположить, что оба они были перенесены в город в описываемый период. Ильинская церковь в замке не описана, но в указанное время причет ее владел огородами, а ильинский поп Федор Иванов, сын Царицын, выступает поручителем в оброке, старица Мартемьяна владеет лавкой в Окольном городе. В «городе» неоднократно упоминаются Кремские ворота, ведущие в Окольный город. Были, возможно, и другие ворота, но этот факт достоверно не установлен.

Планировка Окольного города гипотетическая и определяется по косвенным данным, которых достаточно много. Упоминаются также городская стена и острог вокруг города. Возможно, это одна и та же деревянная стена, проходившая по краю крутого склона городского холма.

Кроме Кремских ворот, чаще всего упоминаются Летние и Климентовские ворота. К первым от рынка вела Охотницкая улица, сами же ворота располагались посредине южной сте-

ны и выводили на берег, они могли служить для вылазок во время осад. Возможно, это нынешняя Набережная улица, которая является одной из древнейших; она проходит по линии южной стены Окольного города. Наиболее старой является южная часть - от Крема до Климентовских ворот. Здесь находились главные городские ворота, были сосредоточены ранние храмовые постройки. Северо-западная часть, наоборот, мало освоенная. Судя по описанию, здесь проходила Новая улица. На севере холм резко понижается. Не исключено, что в один из новых строительных периодов Окольный город был расширен в этой части до берега полуострова.

Название улицы Острожной вместе с топонимом «от городовые стены» (вдоль южной стены?) косвенно говорит о том, что в предыдущий период стенам предшествовало более простое устройство - острог на крутых береговых склонах. Большая Успенская улица протянулась к Климентовским воротам и дальше продолжалась Большой улицей на Переволоке, а также дорогой вдоль всего полуострова. Это направление переняла нынешняя Пролетарская улица. Климентовские ворота «моложе» Летних и постепенно взяли на себя их функцию. Название их, вероятно, связано с определенным строительным периодом (перенесение мощей Климента VII, папы Римского, на Русь символ для самостоятельной русской церкви). До нашествия Батория Успенская улица была главной. Здесь стоял воеводский двор, перешедший к Петру Львову, не имевшему официальной должности. Зато все дворы себежской верхушки после 1582 г. переместились к северу, на Красную улицу. Она становится главной, с нее и начинается описание. Здесь располагались новый воеводский двор, двор осадного головы, дворы причта Троицкой церкви («позади церкви Троицы Живоначальной»). Предполагаем, что направление улицы было близко к современной Советской, а храм Троицы стоял примерно на месте косте-

ла, местоположение которого не случайно. В середине улицы были пахотные места, свободные дворовые места встречаются по всему городу, что являлось результатом запустения.

От Троицкого переулка параллельно Красной улице шли Левонтьевская, затем Сергиевская улицы. Последняя получила название по придельной к Троицкой церкви Сергия. Но сохранилась ли сама Троицкая церковь при Батории, неизвестно, поскольку вместо Успенского придела в описываемое время существовал самостоятельный храм Успения, позади которого проходила Успенская улица. Последний храм был наиболее популярным: он дал название прежней главной улице, переулку, рядом с ним находился Торг и Успенские южные ворота. В то же время, он не мог быть далеко от церкви Троицы, располагался несколько южнее ее, тоже поблизости от места современного костела и стен старого Крема.

К Летним воротам тяготела деревянная церковь Рождества Пречистой (по местному преданию, ярусная), от которой к городской стене шел переулок. Торг и торговая площадь находились примерно там же, где в дореволюционное время располагалась Рыночная площадь, почти посредине Окольного города и тянулась в сторону Крема почти до Успенской церкви.

Следующими по значению в описании являются Мысовые ворота. Точное местонахождение их определить трудно, но название говорит о многом. Эти северо-восточные ворота вели в мысовую - пониженную, незащищенную часть полуострова, по направлению нынешней улицы Нижней, где на мысу были огороды, площадь, переулок. Отсюда осуществлялась переправа на остров Латрик, где располагались «белые огороды» и единственное «свинобоевское место». Сабуровские ворота упоминаются в конце описания Красной улицы, и можно предположить, что находились они на северной стороне, неподалеку от Мысовых ворот, и вели к озеру. Опарины воро-

та упоминаются часто рядом с Климентовскими. Они вели к Переволоке и находились в северо-западном углу, т.е. в «молодой» части крепости. В рассказе с ними не связывается прямо ни одна улица. Добавим, что у всех ворот, как правило, жили воротники и находились их владения (не менее двух на каждые ворота).

Термин «Заровье» в сочетании с Климентовскими воротами красноречиво говорит о том, что ров отделял крепость от Переволоки. Большая улица, вероятно, продолжала Большую Успенскую. Неподалеку на Переволоке проходила Средняя улица и Четвертый переулок. Последний, вероятно, сохранился на Серебрянке - северном мысу на Переволоке, где до разорения был посад и амбары (42 амбара!). Амбарные места теперь распахананы под огороды. На их месте расположилась лишь одна поварня, да 5 бань (вместо 8 бывших).

Таким образом, город имел три линии обороны и три границы, ограничивавшие его территорию. Внутри третьей границы на Переволоке до разорения располагались «дворы пологкие, и свиские, и нещерьские присяги», которые теперь пахали пушкарри и стрельцы. Следовательно, в городе была даже своя «немецкая слобода» (18 мест). Но и этим не ограничивалось понятие «город Себеж», так как за надолбами, защищавшими предместья, названы улицы Ямская, Воронина (к оз. Вороно), где уже не было дворов, но дворовые места числились. Это были пригородные слободы.

О пригородных монастырях уже рассказывалось. С Себежем связан еще один монастырь - Рождества Пречистой Клинский. В городе у него был монастырский двор (подъездной?), а за надолбами и на Полоцкой улице огороды, которые распахивали старцы той же обители. Сам монастырь при этом не называется, возможно, потому, что тоже относился к числу разоренных пригородных. Его двором в городе владел ивановский дьякон.

Наконец, «по Полотской дороге» упомянут еще Литовский двор подле озера (Себежа), а за надолбами было много безоброчных огородов и нив - вдоль озера Ворона до Синцов и на юг до Угоринки. Заметим, что направление Полоцкой дороги было активнее освоено и обжито, нежели Опочецкой, что следует отнести к стойкости традиций литовского и польского периодов и удаленности от Пскова.

После Смутного времени, по Деулинскому перемирию 1618 г., Себеж пришлось вновь уступить Польше, на этот раз - надолго.³² Думается, что за эти годы после переписи принципиальных изменений в ансамбле не произошло, хотя передача города другому государству не могла пройти совсем бесследно. К сожалению, о «польском» периоде XVII-XVIII вв. известий довольно мало. Можно лишь предполагать, что гарнизон, служилое население (а оно составляло абсолютное большинство жителей) должно было уйти в Россию. Кроме него, в городе жило немного духовенства, несколько семей ремесленников и помещиков.

В Смутное время по иронии судьбы Себеж был занят приверженцами самозванца, которым пришлось оборонять его от польских войск. После захвата поляками (1616 г.) и заключения перемирия (1618 г.) начинается новая смена населения. Город постепенно утверждается как польское местечко. Первыми пришли униаты. Указом Сигизмунда III (1616 г.) все православные церкви и монастыри в присоединенных землях были подчинены киевским митрополитам. Они не только приняли униатство, но и стали активными его проводниками. Косвенное упоминание о монастыре базилианок в Себеже может относиться и к женскому Ильинскому монастырю в городе. По тем же сведениям по указу Сигизмунда (Зигмунта) III 20 марта 1625 г. в Себеже был выстроен первый деревянный костел,³³ приписываемый женскому базилианскому (униатского ордена Св. Василия) монастырю. Предполагаем, что он был выстроен на ме-

сте главного Троицкого храма, а из тяжбы с Радзивиллами узнаем, что костелу Сигизмундом III были выделены надельные земли. Простоял этот деревянный костел недолго.

В 1633 г. Себеж был ненадолго освобожден русскими войсками. Взяли город опочане, ходил под Себеж и псковский воевода князь Дмитрий Ефимович Воейков, бравший подводы с монастырских и церковных вотчин; упоминаются и «себежские ратники». По Вязьминскому мирному договору 14 июля 1635 г. Себеж, Красный и Невель вновь отошли к Польше. Россия отказалась от своих притязаний на Прибалтику, а Владислав, со своей стороны, - от притязаний на русский престол.³⁴ Костел сгорел до 1649 г. Пострадал ли он от русских, неизвестно; более полных сведений о его судьбе нет, как и о православных церквях и дворах себежан.

Основания для капитальных работ появились в городе в 1648 г. На сейме Польши «свободным народным волеизъявлением» себежские и невелиские земли решено было передать в качестве наградного дара за заслуги перед королем, на правах ленного держания, Радзивиллам. Иероним Радзивилл получил титул Невельского.³⁵

Вступив во владение ленными владениями, он встретился с претензиями причта себежского костела на уголья, пожертвованные ему королем в 1625 г., в год основания. Началась тяжба, тянувшаяся до 1748 г. и закончившаяся в пользу церкви. Радзивилл на месте сгоревшего униатского костела выстроил в 1649 г. новый католический, каменный. На этом его внимание к Себежу иссякло. Получив титул Невельского, он должен был прежде всего заботиться о новом фамильном замке. Через пять лет, в 1654 г., владичество Радзивиллов было прервано русскими войсками. Началась война с Польшей за воссоединение с Украиной. В самом ее начале россияне овладели Себежем. Победа была закреплена Андрусовским перемирием 1667 г., по которому базилианские монастыри и

храмы отпадали от униатства и возвращались православию. Это касалось и себежского костела.

Воеводы, овладев Себежем, доложили Алексею Михайловичу, что в городе «окольного города 704 сажени, а в городе Кремль имеет в окружности 78 сажень; кремлевский вал высотой 16 сажень, а вал окольного города 9 сажень, в окольном городе 4 ворот».³⁶ Эти данные соответствуют территории укреплений города на мысу по плану XVIII в. Видимых изменений территории и планировки не произошло, но количество ворот резко сократилось. Отмереть могли одни ворота из двух в следующих парах: Сабуровы - Мысовые, Летние - Успенские. Видимо, четверо ворот (Климентовские, Опарины, Мысовые и Успенские) сохранили значение в планировочной структуре старой части города.

В 1660 г. Себеж был истреблен пожаром, сгорели даже грамоты.³⁷ По Московскому же перемирию 1678 г. Россия вынуждена была вернуть Себеж литовцам в Полоцкое воеводство с выплатой 200 тыс. рублей.³⁸ Положение жителей было столь плачевным, что король на четыре года освободил их от повинностей. Перемирие специально оговаривало свободу вероисповедания. По косвенным сведениям, в 1678 (1672-?) г. некий храм был передан униатам. После же договора 1686 г. начались откровенные гонения на православных.

В этот период силуэт города изменялся. Раньше или позже из него исчезли несколько высотных доминант православных храмов и монастырей, с 1649 г. в городской панораме занял свое место костел Св. Троицы с приделом Антония Падуанского. На месте Рождественского собора на панораме Себежа XVII в. показана одноглавая деревянная церковь (униатская) под двухскатной крышей. Некоторые изменения в силуэте появились в период русско-шведской войны, когда Петр I занял город частью войск (1705 г.). В 1706 г. по приказу Петра I Фон-Верден прислал в Себеж 500 воинов с пол-

ковником Девожиром под команду Кириллы Алексеевича Нарышкина. В 1707 г. возникла опасность продвижения неприятеля из Риги, и Петр повелел генералу Шведину с пехотными полками стоять в Себеже и его окрестностях. На подступах к городу были проведены фортификационные работы. Устойчивое предание связывает с именем Петра I «шанцы» - укрепления на горе, носящей его имя (Базарная, или Петровская, гора, Петровский холм). Гора была превращена в бастион, вооруженный медными и чугунными пушками, трехпудовыми мортирами. Она блокировала подходы к городу с северо-восточной стороны. Подобное укрепление встречного боя (на холме, на месте нынешней восьмилетней школы) было организовано с северо-запада. Первое контролировало Опочецкий тракт, второе - Люцинский (сложившееся к тому времени прибалтийское направление - ныне ул. Ленинская). На Замковой горе для Петра I был выстроен коттедж, сохранявшийся до начала XX в. (на месте дома по ул. Замковой, 6) как историческая реликвия. В начале века себежане увековечили память великого государя и полководца другим способом: назвали именем Петра Великого главную улицу (ныне ул. Пролетарская).³⁹ Других следов в облике города, как и дипломатических последствий, этот военный эпизод не оставил. После разгрома Левенгаупта при Лесной театр военных действий переместился к Полтаве, а местечко Себеж осталось прозябать на окраине Польского государства.

По сведениям на 1780 г., население Себежа состояло из 361 души христиан (мужского пола) и 52 душ евреев.⁴⁰ Кроме каменного костела, в городе были одна-две деревянные церкви, минимум общественных сооружений, в городе и предместьях - необходимый набор хозяйственных строений. Укрепления давно перестали поддерживаться и сохранялись лишь в городском рельефе.

О ближайших предместьях Себежа сведения уже приводились на конец XVI в. В дальнейшем принципиальный характер их не менялся или менялся в сторону сокращения строительной и хозяйственной деятельности. В описании конца XVI в. упоминаются несколько помещичьих имений и селец, принадлежавших служилым людям - стрельцам и казакам, будущим дворянам. Им же принадлежали деревни и пахотные пустоши. Бурные времена не способствовали укреплению этого класса хозяев и появлению в округе богатых усадеб и поместий. Даже монастыри исчезли и не возрождались вновь. В польский период появилось новое явление в виде так называемых «панцирных бояр» - мелких наследственных земельных собственников,

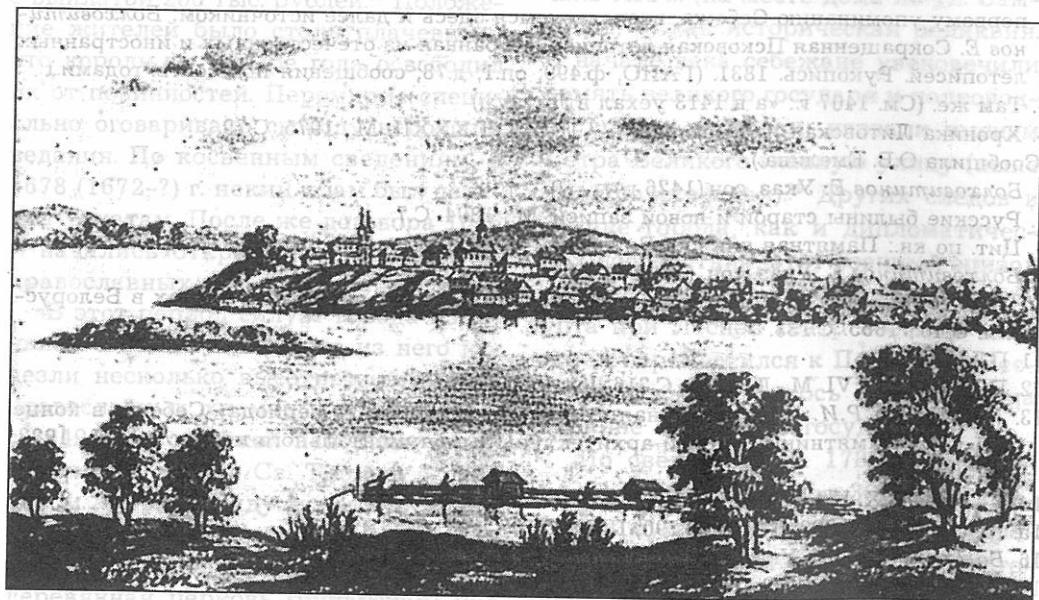
выполнявших роль пограничного ополчения (те же казаки). Их внешним отличием были доспехи («панцырь»), отсюда и название. Но они были столь бедны, что во времена Екатерины II представлялись чем-то курьезным. Существует предание о том, что они были призваны ко двору императрицы и явились в ветхих допотопных доспехах. Они были приравнены к государственным крестьянам с некоторыми привилегиями. Число их в двух уездах доходило до 10 тысяч. Указом 1864 г. это «боярство» окончательно приравнивали к крестьянам с правом наследственной собственности.

Других достопримечательностей и явлений градостроительного значения в этот период в источниках не встречается.

Примечания

1. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmoitska; Wsrystkiey Rusi. Warszawa, 1846.
2. Псковские летописи. Вып. I. М.-Л., 1941; Вып. II. М., 1955, [Далее ПЛ I и ПЛ II.]
3. Поскольку мы ставили целью проследить основную канву событий, предшествующих первому упоминанию Себежа, воспользуемся здесь и далее источником: *Болховитинов Е.* Сокращенная Псковская летопись, собранная из отечественных и иностранных летописей. Рукопись. 1831. (ГАПО, ф.499, оп.1, д.78; сообщения под соотв. годами.)
4. Там же. (См. 1407 г.: «а в 1413 уехал в Литву».)
5. Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. Т. XXXII. М., 1975. С.79. (Сообщила О.В. Емелина.)
6. *Болховитинов Е.* Указ. соч. (1426 г.)
7. Русские былины старой и новой записи. М., 1894. С.7.
8. Цит. по кн.: Памятная книжка Витебской губернии на 1867 г. СПб., 1867. С.60-61.
9. *Болховитинов Е.* Указ. соч. (1494 г.)
10. *Без-Корнилович М.О.* Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии. СПб., 1855. С.133.
11. ПЛ II. С.8.
12. ПСРЛ. Т. XXVI. М.-Л., 1959. С.316.
13. *Платонова Р.И.* Планировочная структура «псковского периода» Себежа в конце XVI в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1983. С.51-63.
14. ПСРЛ. Т. XX. Ч.2. С.340.
15. ПСРЛ. Т. IV. С.300; Т. VIII. С.290; ПЛ I. С.107.
16. *Болховитинов Е.* Указ. соч. (1535 г.)
17. *Без-Корнилович М.О.* Указ. соч. С.132-133.
18. Там же. С.133.
19. *Земцов С.М.* Архитекторы Москвы второй половины XV и первой половины XVI вв. // Зодчие Москвы. М., 1981. С.80.
20. ПЛ II. С.230.
21. Мнение А.Н. Кирпичникова.
22. ПЛ II. С.237.
23. Там же.

24. Там же. С.238.
25. *Болховитинов Е.* Указ. соч. (1562 г.)
26. Подлинная писцовая книга № 355. Описание произведено писцами Г.И. Мещаниновым-Морозовым и И.В. Дровниным. Раздел IV. Город Себеж и его уезд // Сборник МАМЮ. Т.5, М., 1913. С.418-441.
27. Комплекс рукописных материалов Себежского краеведческого музея, ф. Б.В. Сивичского.
28. *Платонова Р.И.* Указ. соч.
29. План города Себежа 1778 г. // Полное собрание законов российской империи. Книга чертежей. СПб, 1839. С.268.
30. Сборник МАМЮ... С.430.
31. Там же; ПЛ II. С.37.
32. *Лебедев М.И.* Витебская губерния. Вып. I. Витебск, 1890. С.34.
33. *Без-Корнилович М.О.* Указ. соч. С.133. Сведения о каменной церкви неточны (по мнению архитекторов-реставраторов Тютюнниковых).
34. *Болховитинов Е.* Указ. соч. (1634-35 гг.)
35. Географический словарь королевства Польского. 1889 г.
36. Памятная книжка Витебской губернии на 1908 г. Витебск, 1908.
37. *Без-Корнилович М.О.* Указ. соч. С.134.
38. Там же.
39. *Громов К.М.* Далекое, но близкое сердцу // Газета «Призыв». 1988, 2 февраля.
40. *Без-Корнилович М.О.* Указ. соч. С.134.

Вид города Себежа до сер. XVIII в.
С гравюры неизвестного польского художника

